

...И ТЕ, КТО В МОРЕ

Чудаки, что живут у моря, принимают его как данность.
Выбирают с пристенка мидий, упоённо плюют на дальность.
Служат каждой принцессе лилий, отчеканенной на монете.
Ловят рыбу, лохов и ветер, вертят лодки, причалы метят,
Верят смерти – солёной рыбке из заоблачного прилива.
Моряки посещают рынки, покупают ножи и сливы,
Рыбакам у прилавков скучно – грызть миндаль да дразнить рыбачек,
Чистить бочки собственноручно и креститься, коль чайка плачет –
Будет буря. Не будет бури. Волны плещут, а ветер носит.
Контур раковины каури. Берега покраснели – осень.
Что скучать? Поднимаешь парус и плывёшь хоть на край залива.
И щенка называешь Аргус и пытаешься быть счастливым
Без девчонки, которой море – неземное сплошное чудо.
... Чайка с мола о чём-то молит – не иначе штормов не чуёт.

БОСЕАН

Когда пламя целует стены и крепнет боль,
Когда теряют значение вера, любовь и выгода,
Ты берёшься за меч и спокойно выходишь в бой,
Потому что не остаётся иного выхода.
За спиной стены Аккры и тлеющий ряд галер.
Шаолинь догорает ярким цветным фонариком.
Бьются гезы с пехотой, над ними смеётся смерть.
Падает обескровленный Карфаген на колени Африке.
Догорают книги, картины, люльки, монастыри,
Разбегаются крысы и птицы орут тревожные.
Только ты остаёшься на алой струне зари,
Потому что выходишь биться за невозможное –
За бессильных, за проигравших жизни в чужой игре,
За мальчишку с лисёнком и девочку в белом платье.
И неважно – лететь с обрыва, тонуть, гореть,
Пока солнце с горы окровавленным шаром катится.
Не за деву Марию, не за райский бессмертный плод
Не за правду века, года и поколения –
Справедливости ради поднимается Ланселот
Прикрывая собой безнадёжное отступление.

МУЖЧИНА

Мужчина собирается из мужа и чинарика,
Карманного фонарика, ножа и зажигалки,
Тропы опережения вокруг земного шарика,
Стрелы воображения отсюда до Игарки.
Мужчина ходит на горы, в поля, моря и странствия.
Танцует с шашкой наголо, ревет, как лев в ловушке.
Летит пчелой на сладкое, горячее и страстное.
Ласкает шкурки тёплые и мякнющие ушки.
Смесь, хватает за душу, хватается сына на руки.
Меняет дочкам бантики и косы заплетает.
Едят ли кошки зябликов, живут ли фрики в Африке?
Мужчине непокоится, неймётся, не хватает.
Седой и созерцательный, сидит себе на пристани,
С гитарой несговорчивой, с родным аккордеоном.
...Рисуется мелодия – волнительно, таинственно.
И голуби бесстыжие стреляют по балконам.

ПОДИ ПОЙМАЙ

Домашняя женщина – ласковая и сладкая,
Падкая на платки и шали. Играя прядками,
Смотрит из-под ресниц и молчит, лукавится.
Кто её знает, что ей сегодня нравится?
С тестом шаманит, крошит капусту истоиво,
Любит плясать от печки, гудеть, насвистывать,
Любит кормить, холить и спать укладывать,
Чутко читать ладони и сны угадывать,
Честно спасает душу своим трудом...
Вот только где её дом?
В роще болталивой, подле ручья, на мшанике,
Там, где брусника горстями бросала шарики.
В старой берлоге, подле гнездовья рысьего,
В углой землянке, высланной плотно листьями.
Там, где костёр и воды и звёзды россыпью,
Осенью пролетают гуси небесной просинью,
Хмуро хрипят олени, свистит варакушка,
Сердце под солнцем раскрывается, словно ракушка.
В каждой домашней – искры, хвонки, лютики,
Острые почки ивы на тонком прутике,
Пламя и полымя, рожь и руда и ржа...
Не удержать – ни в руках, ни в клетке.
Не удержать.

СТИХОСЛОЖНОСТЬ

Тихая поэтесса «давно за сорок».
Сердце в мышинных дырках и сырных норах,
Сношенные ботинки, часы от мамы –
Символ нелепой, вялой, семейной драмы.
Бродит по улицам, серая, как другие,
Нету ни кошки – астма и аллергия,
Ни мужика, сопящего на диване,
Ни крутоверти объятий и раздеваний.
Служит обузой в конторе Водоканала.
Шарфики вяжет – это зимой немало.

Верит в Ахматову, Бэllu и Черубину,
Каждую осень идёт наблюдать рябину.
Пишет стихи. Читает их раз в полгода,
Если не помешают астма и непогода, –
Жалкие словно фантики горсти строчек,
Точек, кавычек, боли и проволочек.
С ней обращаются вежливо, но прохладно,
Словно с соседкой по бане или парадной.
Звезда не хватает, слово за хвост не ловит,
Зато не болтает и хорошо готовит...
Ангел, что посещает её халупу,
Не привередливый в общем-то, и не глупый.
Выдали – значит, надо вести за ручку,
И разбирать каждую закорючку.
Выдернув пёрышко (крепкое, маховое)
Ангел сидит с тетрадкой – сова совою.
Правит как может – а может он еле-еле,
Это не ямщика вывозить в метели,
Не прикрывать парня в босаяцкой драке.
Что там рифмуется? Рыжики? Раки? Маки?
Бедные строчки к утру обретают форму,
Вьются и бьются, как-то приходят в норму.
Штирлиц бы не заметил бы ни провала...
Вот только ангелу – мало.
Он хочет выше –
Вышить звезду, которой уже не выжить,
Вышибить искру там, где уже истлело,
Выжечь слова напалом – и к чёрту тело!
Ангел ломает копыа, а поэтесса
Ходит по тротуарам, не чуя веса,
В хмурых прохожих врезается, как слепая,
Чувствует – в пальцах горячее закипает.
Слово становится яблоком и рыбёшкой,
Смотрит с забора белой бездомной кошкой,
Слово приходит. Сложится? Кто же знает.
Астма и аллергия. Экстаз. Весна и
Градус безумия не предвещает радость.
Даже фотограф не сможет поправить ракурс.
Скоро она шагнет – лёгкая в белом платье...
Ангел её подхватит крылом тетради
Ради стихов, зреющих виноградом.
Скажет:
– Садись и пиши.
Я – рядом.

НЕ-ВЕРИЕ

Быть нелюбимой – значит не верить в Господню милость.
Не замечать ни ивы, что над рекой склонилась,
Ни облаков, похожих на ангелов и драконов,
Ни ледяных узоров в рамках чудес оконных.
Вот одуванчик нежный, смотрит из листьев прошлых,
Вот воробей в ладони прыгнул за парой крошек.
Вот на холсте из пятен дом и фонарь сложились,
Рыжий щенок и кошка спелись и подружились.
Дождик убрал с дорожек фантики и окурки.
Новая песня лета дремлет в кармане куртки.

Друг позвонил из Рима, прямо из Колизея –
Там, говорит, в фонтанах вместо вина – веселье.
Бог посылает перья, бабочек, самоцветы,
Тёплый ночной троллейбус, розовые букеты,
Добрых людей повсюду – в очереди, на рынке,
Рыжего апельсина сладкие половинки.
Красный цветок в пещере. Белый цветок в петлице...
Хватит любви любому. Хватит о ней молиться!

ТАТАР-ЯЛГА

Ну и как мне не радоваться, скажи?
Если ночь отступила на дальние рубежи
И щебечет зарянка и бабочки у ручья
И никто ни в кого не целится из ружья.
По лесам лисята играют в лопухах,
Голубята и вороны вылуплиются впопыхах.
Головастики в лужах возятся с мошкаррой...
От неожиданного ветра, милый, меня укрой.
Пусть туманы сходят с Татар-Ялга –
На моём плече теплеет твоя рука.
И дождём не смоеет и солнцем не опалит.
И январской ночью сердце не заболит...

МЕЧТА О ДОМЕ

Ты приедешь на исходе марта.
В нашем доме будет пахнуть мятой.
Под крыльцом поселятся мышата,
Никому особо не мешая.
Снег сойдёт с пути, подсохнут лужи,
Отцветет миндаль, проснётся груша.
На плите картошка, в печке хала,
В кошельке дирхем степного хана.
На руках, прости, мука и масло,
На окне свеча, что год не гасла.
Книги ждут на полках пёстрой стаей –
Кто откроет и перелистает?
Маргарита, Франсуа, Гарсиа –
Вот покой, что мы не попросили.
Пересвиет щеглов и свет закатный,
Простыни, пропахшие лавандой,
Капля пота в трещинке морщины,
Облако, сошедшее с вершины.
Снятый с шеи на ночь крест нательный
Путь неблизкий, трудный, нераздельный.
Крым неопалимый... Наше счастье –
Дом, куда ты сможешь возвращаться.

ЗВЕЗДА КОВЫЛЬ

Тускнеет снег, как сброшенная кожа.
Звезда Ковыль с рождественской несхожа –
Она уводит прочь от очага.
В седую степь, на зимние стоянки,
Где ждут ягнят измученные ярки,
Впавалку спят щенки и мальчуган.

Баранья голова лежит на блюде.
Несытый дух крадётся к тёплой юрте.
Дымит кизяк. Варганчик дребезжит.
Всё ясно, плотно и вообразимо –
Мука и хлеб. Кочевники и зимы.
Молочной струйкой мимо льётся жизнь.
...С размаху канешь в небо, крикнешь «чей я?».
Смолчат дома, откликнется кочевье.
Ни женщины, ни счастья, ни ножа.
Зато есть степь. Полынь, сурки, цикады.
Звезда Ковыль на лезвии заката.
Последний вздох – и самый первый шаг.

О ТЕБЕ

Говорить о тебе –
Как слепому рассказывать море.
Серый отблеск волны,
Золотую дорожку луны.
Валуны и нырков.
Имена катеров на приколе.
Молодых рыбаков,
Что смеющимся женам верны.
Синекожих китов,
Проплывающих в звёздном планктоне,
Тишину маяка
И туманный прилив молока.
Умирать морякам
Просто так не дано – каждый тонет.
Каждый падает в смерть,
Пропотевшей спиной – в облака.
Пахнет солью, смолой,
Парусами, снастями, страстями.
По стеченью путей
Мчит Гольфстрим в океане потерь.
Говорить о тебе –
Как разбрасывать звёзды горстями.
Горевать о тебе –
Словно плакать и плавать в пустоте...